

УДК 130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-18-26

Финогентов В. Н.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ С Э.В. ИЛЬЕНКОВЫМ О БЕСКОНЕЧНОСТИ ВСЕЛЕННОЙ И РОЛИ "МЫСЛЯЩЕЙ МАТЕРИИ" В ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор. Орловский государственный аграрный университет, ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орел, 302019, Россия. E-mail: v_fin@mail.ru

Аннотация

В статье разворачивается мировоззренческая дискуссия с позицией, представленной в работе Э.В. Ильенкова «Космология духа». С позиций трагического гуманизма критически анализируются представления Э.В. Ильенкова о бесконечности Вселенной, его концепция «мирового круговорота», а также сформулированная им гипотеза о решающей роли «мыслящей материи» в осуществление перехода материи («матери-природы») от стадии ее умирания к началу нового цикла ее развития.

Ключевые слова: бесконечность Вселенной; «мировой круговорот»; неисчерпаемость универсума; принцип инфинитизма; трагический гуманизм.

Finogentov V. N.

PHILOSOPHICAL DISCUSSION WITH E. V. ILYENKOV ABOUT THE INFINITY OF THE UNIVERSE AND THE ROLE OF THE "THINKING MATTER" IN ITS EVOLUTION

Finogentov Valery Nikolaevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Orel State Agrarian University, 69 Generala Rodina St., Orel, 302019, Russia. E-mail: v_fin@mail.ru

Abstract

The article deploys a philosophical discussion with a position presented in the work of E.V. Ilyenkov, «The Cosmology of the spirit». From the position of tragic humanism the author critically analyzes the views of E.V. Ilyenkov about the infinity of the Universe, his concept of «world rotation», and his hypothesis on the decisive role of the «thinking matter» in the transition of the matter («mother-nature») from the stage of dying to the beginning of a new cycle of its development.

Key words: the infinity of the Universe; «world rotation»; the inexhaustibility of the universe; the principle of infinitism; tragic humanism.

Сразу же подчеркну, что ниже разворачивается дискуссия именно с той мировоззренческой позицией, которая в исключительно ясной и последовательной форме развита в сочинении, указанном в названии моей статьи. Иначе говоря, я не пытаюсь здесь давать какие-то оценки философии Э.В. Ильенкова как целостному феномену. Речь у меня идет об интерпретации и оценке только одной работы Э.В. Ильенкова. Здесь необходимо сказать также, что у рассматриваемого сочинения Э.В. Ильенкова есть весьма красноречивый подзаголовок: «философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма». Поэтому, на первый взгляд, к этому сочинению не следует относиться слишком серьезно и, тем более, не следует с ним вступать в мировоззренческую дискуссию. Однако знакомство с содержанием

«Космологии духа» не оставляет никаких сомнений в серьезности этой работы.

Мировоззренческая позиция, представленная в обсуждаемом сочинении, в общем плане может быть охарактеризована как определенный вариант диалектического материализма. Некоторые особенности этого варианта будут представлены мной по мере осуществления дискуссии. В свою очередь, мировоззренческая позиция, с которой я веду здесь дискуссию с Э.В. Ильенковым, разрабатывается мной на протяжении многих лет и называется трагическим гуманизмом. (О трагическом гуманизме см. в моих книгах [2; 3].) Важнейшие принципы трагического гуманизма, необходимые для разворачивания мировоззренческой дискуссии с «Космологией духа», будут также сформулированы и разъяснены мной далее.

Итак, основываясь на тексте обсуждаемой работы, дадим реконструкцию

мировоззренческой позиции Э.В. Ильенкова. В основе этой позиции лежат несколько неразрывно связанных друг с другом положений.

Первое из этих положений Э.В. Ильенков формулирует следующим образом: «материя постоянно обладает мышлением, постоянно мыслит самое себя» [1, с. 415]. Другими словами, для Ильенкова мышление является атрибутом материи. Впрочем, это положение, указывает автор «Космологии духа», верно только по отношению к материи «в целом, как к бесконечной во времени и в пространстве субстанции» [1, с. 415].

Я прошу уважаемого читателя обратить особое внимание на это авторское пояснение и дополнение. Оно, на мой взгляд, чрезвычайно показательно и важно для понимания и оценки мировоззренческой позиции Э.В. Ильенкова. Я имею в виду то, что в этом положении мирно уживаются два утверждения, которые, по моему мнению, далеко не всегда удается соединить друг с другом. А именно: 1) материя (субстанция) бесконечна во времени и в пространстве; 2) материю (субстанцию) можно рассматривать «в целом». Сам Э.В. Ильенков не видит проблемы в соединении этих двух утверждений. Я же, напротив, считаю, что здесь скрыта серьезнейшая онтологическая и гносеологическая проблема, что «мирное» соединение этих положений возможно лишь в случае сугубо частного понимания бесконечности материи (субстанции). Соответственно, как только мы выйдем за пределы этого «сугубо частного понимания» бесконечности материи, так сразу же возможность рассматривать материю (субстанцию) «в целом» будет поставлена под вопрос. А эта возможность, несомненно, играет фундаментальную роль в мировоззренческих построениях Э.В. Ильенкова. Более того, забегая вперед, можно сказать, что именно гипотеза, согласно которой материю (субстанцию, Вселенную) можно рассматривать «в целом», определяет дальнейшие мировоззренческие построения Ильенкова. Конечно, не следует отождествлять понятия материи, субстанции и Вселенной. Но в обсуждаемой работе эти понятия часто используются как синонимы. В этот ряд синонимов вполне правомерно добавить также понятие «мир», которое также нередко звучит у Э.В. Ильенкова. Если материю (мир) можно рассматривать в целом, то это предполагает, что материя (мир) является некой целостностью, единством. А отсюда уже следует, что материя (мир) осуществляет некую глобальную

(общемировую) процессуальность. Отсюда следует также, что материя (мир) в целом может быть предметом человеческого познания и даже предметом человеческой преобразующей деятельности! В сущности, в этих нескольких фразах изложено главное содержание «Космологии духа».

Обратимся к более детальному рассмотрению этого содержания.

Прежде всего, ссылаясь на соответствующие размышления Дж. Бруно, Б. Спинозы и Ф. Энгельса, Э.В. Ильенков пишет о «материи в целом» и присоединяется к известной концепции «мирового круговорота». Согласно этой концепции, «в материи в целом развитие в каждый конечный момент времени актуально завершено, в ней одновременно актуально осуществлены все ступени и формы ее необходимого развития. Взятая в целом, материя не развивается – она не может утратить ни на один миг ни одного из своих атрибутов, как не может обрести и ни одного нового атрибута» [1, с. 415-416]. Именно на этом основании наш автор приходит к уже цитированному выводу о том, что мышление является атрибутом материи, который, естественно, не может быть утрачен «материей в целом» ни на один миг.

Далее в «Космологии духа» тоже всё логично и, на первый взгляд, убедительно. Если «материя в целом» осуществляет «мировой круговорот», то в этом глобальном процессе, полагает Э.В. Ильенков, неизбежно будут достигаться некие «абсолютно высшие» и «абсолютно низшие» формы движения и развития. В качестве «абсолютно высшей» формы движения и развития в «Космологии духа» выступает именно мышление (мыслящая материя). «Мышление, – утверждает в связи с этим наш автор, – бесспорно, есть высший продукт всеобщего развития, есть высшая ступень организации взаимодействия, предел усложнения этой организации» [1, с. 417]. Это утверждение мы должны принять, поскольку отрицание данного утверждения, полагает он, равносильно отрицанию «тезиса о принципиальной познаваемости окружающего мира» и «делает невозможной самую философию». «Итак, – еще раз подчеркивает Э.В. Ильенков, – мышление есть абсолютно высший продукт развития мироздания. В нем, в рождении мыслящего мозга, мировая материя достигает такой ступени, на которой исчерпываются все возможности дальнейшего развития «вверх» – по пути усложнения организации форм движения. Далее путь может идти только «вниз» [1, с. 419]. Что касается

«абсолютно низшей» формы движения и развития, то автор «Космологии духа» характеризует ее достаточно размыто. Поскольку, считает он, до ее открытия «нам, очевидно, еще очень далеко». Но само существование «нижнего предела» «мы неизбежно должны, вынуждены принять». Поскольку «признать абсолютно высшую форму невозможно, не приняв ее противоположность, абсолютно низшую, абсолютно простейшую форму материи и ее движения» [1, с. 420].

Итак, зафиксируем еще раз предварительные результаты, к которым пришел автор «Космологии духа». 1. Вечный, закономерный «Мировой круговорот» ограничен высшим и низшим пределами. 2. В качестве высшего предела этого круговорота выступает мыслящая материя, а его низшим пределом является некая еще не установленная наукой «абсолютно простейшая форма материи и движения».

Следующим основоположением мировоззренческой позиции автора «Космологии духа» является «бесспорное положение, согласно которому “всё, что существует, достойно гибели”», что всякая “конечная” форма существования имеет свое начало и свой конец». «Это положение, – указывает Э.В. Ильенков, – применимо как к ныне существующей солнечно-планетной системе, так и к обитающему на ней человечеству» [1, с. 421]. Надо признать, что принять это положение человеку нелегко. Но я с ним полностью согласен. Более того, оно является фундаментальным для мировоззрения, которое я развиваю, оно является важнейшим принципом трагического гуманизма. Такой гуманизм и называется трагическим, потому что он утверждает неизбежность прихода небытия и к человеку, и к человечеству.

Но вернемся к обсуждению «Космологии духа».

Именно в связи с тем, что «где-то во мраке грядущего человечество прекратит свое существование, и что вечный поток движения Вселенной в конце концов смочет и сотрет все следы человеческой культуры», Э.В. Ильенков и выдвигает свою чрезвычайно смелую гипотезу о решающем вкладе «мыслящей материи» в осуществление перехода материи («матери-природы») от стадии ее умирания к началу нового цикла ее развития. Под «мыслящей материей» в данном случае автор «Космологии духа» имеет в виду человечество (не обязательно земное), достигшее высочайшей ступени своего научного и технологического развития, способного, так сказать, подтолкнуть Вселенную на восходящую

ветвь ее развития. Сам Э.В. Ильенков формулирует эту гипотезу следующим образом: «Мыслящий дух ценой своего собственного существования возвращает матери-природе, умирающей “тепловой смертью”, новую огненную юность – состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития, которые когда-то вновь, в другой точке времени и пространства, приведут снова к рождению из ее остывающих недр нового мыслящего мозга, нового мыслящего духа» [1, с. 431]. Он полагает также, что отрицание этой гипотезы неизбежно приводит к выводу, согласно которому «мышление, даже если его и продолжать называть “высшим цветом” материи, оказывается пустоцветом – красивым, но абсолютно бесплодным цветком, распустившимся где-то на периферии всеобщего развития лишь затем, чтобы тотчас увянуть под ледяным или огненно-раскаленным дуновением урагана бесконечной Вселенной...» [1, с. 432].

Любопытно, что Э.В. Ильенков, осознавая всю грандиозность и фантастичность своей философской гипотезы о решающем вкладе «мыслящей материи» в развертывание нового цикла развития Вселенной, пытается конкретизировать ее. В соответствии с этой конкретизацией, вернуть «матери-природе огненную юность» мыслящая материя сможет, если ей удастся «разрушить бесконечно малую структурную единицу материи» [1, с. 433]. В результате такого разрушения, предполагает наш автор, «получилось бы пропорционально бесконечное количество высвободившейся при этом энергии». Соответственно, по его мнению, этого количества энергии оказалось бы «достаточно для того, чтобы разрушить и превратить в раскаленные пары бесконечно большую массу остывшей материи» [1, с. 433-34].

Надо обязательно сказать, что здесь автора «Космологии духа» посещает некоторое сомнение. «Всю бесконечную Вселенную, – делится он этими сомнениями с читателем, – разрушить этот акт, конечно, не может...» [1, с. 434]. Казалось бы, что вот сейчас на этом основании Э.В. Ильенков поставит под сомнение и свою грандиозную гипотезу. Но нет, к сожалению, он тут же отбрасывает посетившее его сомнение. Между тем внимательное прочтение его рассуждения, посредством которого он пытается развеять свое сомнение, обнаруживает, что «разжечь мировой пожар» мыслящей материи всё же не по силам. Действительно, развеивая свои сомнения, Э.В. Ильенков пишет: «Поскольку разрушаемая

структура по размеру и по сложности своей организации стремится к исчезающе малому пределу, то и количество высвобождаемой при этом энергии соответственно стремится к бесконечности. Область мировой материи, захватываемая процессом, включаемая в цепь реакции, остается поэтому ограниченной какими-то пределами. Каковы эти пределы – сказать сейчас, конечно, невозможно, так же невозможно, как и указать размеры и качественные характеристики той частицы, разрушение которой необходимо для того, чтобы вызвать этот процесс. Но процесс этот вполне объясняет возможность превращения сколь угодно больших конечных масс остывшей материи в раскаленную туманность, способную положить начало новым мирам» [1, с. 434]. Как говорится, красиво сказано. Но, тем не менее, это рассуждение нашего автора, по сути, «бьет мимо цели». Действительно, «сколь угодно большие конечные массы материи», с одной стороны, и бесконечная Вселенная, с другой стороны, – это принципиально разные сущности. Иначе говоря, вполне правомерна гипотеза о том, что высокоразвитая «мыслящая материя» когда-нибудь сможет превратить «сколь угодно большие конечные массы остывшей материи в раскаленную туманность». Но между этой возможностью и возможностью «разжечь мировой пожар», увы, лежит непреодолимая пропасть. И эту пропасть не преодолеть с помощью анализируемого рассуждения Э.В. Ильенкова.

Таким образом, в «Космологии духа» мы, несомненно, имеем дело с очень привлекательной гипотезой. В соответствии с этой гипотезой «высшая и конечная цель существования мыслящего духа оказывается космически-грандиозной и патетически-прекрасной». От других гипотез относительно завершения истории человечества эта гипотеза, указывает наш автор, отличается не тем, что устанавливает в качестве этого завершения всеобщую гибель человечества. Гибель, смерть, уничтожение человечества представляют собой, по убеждению Э.В. Ильенкова, абсолютно необходимый результат, прогнозируемый любой разумной гипотезой относительно конечного этапа развития человечества. Гипотеза, предлагаемая в «Космологии духа», отличается от других гипотез лишь тем, что эта неизбежная гибель человечества «рисует» ее не как бессмысленный и бесплодный конец, но как акт по существу своему творческий, как прелюдия нового цикла жизни Вселенной» [1, с. 435]. «Смерть мыслящего духа, – подчеркивает Э.В. Ильенков в связи с этим, – становится тем самым его

бессмертием». «И когда-то вновь, – продолжает он, – в бесконечно далеком грядущем – новые существа, в которых природа разовьет мыслящий дух, будут – как и мы ныне – созерцать сверкающие над небом их Земли звездные миры с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием некогда исчезнувшему мыслящему духу, его великой и прекрасной жертве» [1, с. 435]. Следует согласиться с тем, что в «Космологии духа» нарисована грандиозная и вдохновляющая перспектива!

Но, разумеется, красоты и грандиозности гипотезы недостаточно для ее обоснования и принятия. Для обоснования и принятия философской, да и научной, гипотезы необходимо, прежде всего, чтобы эта гипотеза согласовывалась с исходными положениями соответствующей философской концепции (научной теории). Наиболее важным в данном отношении является вопрос, согласуется ли обсуждаемая гипотеза Э.В. Ильенкова о вселенской роли мыслящего духа с предположением о бесконечности Вселенной. А это предположение, как мы видели, вне всяких сомнений, принимается автором «Космологии духа». К этому вопросу примыкает еще одна очень серьезная проблема: насколько убедительным является то понимание бесконечности Вселенной, которого придерживался Э.В. Ильенков.

Ниже я демонстрирую, что обсуждаемая гипотеза лишь в определенном отношении согласуется с пониманием бесконечности Вселенной, принятым автором «Космологии духа». Далее я пытаюсь обосновать, что это понимание является весьма упрощенным, односторонним пониманием бесконечности Вселенной. Наконец, я показываю, что эта гипотеза не согласуется с тем, на мой взгляд, более глубоким пониманием бесконечности универсума, которое лежит в основе трагического гуманизма.

Итак, в первую очередь рассмотрим ильенковское понимание бесконечности Вселенной. При этом следует помнить, что проблема бесконечности Вселенной – это сложнейшая философская и научная проблема. Поэтому, конечно, я ничуть не претендую на какое-то «окончательное» ее решение. Следует также помнить, что, как уже сказано, у меня представлена лишь определенная, основанная на внимательном прочтении «Космологии духа», реконструкция ильенковского понимания бесконечности Вселенной.

На мой взгляд, ильенковское понимание бесконечности Вселенной, представленное в «Космологии духа», включает в себя два основных момента. Первый из них состоит в том, что у Э.В. Ильенкова речь идет о бесконечности Вселенной в пространстве и во времени. Причем в «Космологии духа» имеется в виду тот модус пространственной и временной бесконечности, который обычно обозначается словосочетанием «бесконечность вширь». Другими словами, такая Вселенная, во-первых, не имеет начала и конца во времени. Она существовала всегда и будет существовать всегда. Во-вторых, такая Вселенная имеет, так сказать, бесконечный объем. Она бесконечно простирается, в каком бы направлении мы ни двигались. Надо сказать, что такое понимание бесконечности Вселенной вполне правомерно. И в некотором смысле оно является обычным для материалистической философии. Но все-таки, скажем сразу, это – весьма бедное ее понимание. Чтобы обосновать данную оценку, достаточно сказать хотя бы то, что такое понимание абстрагируется от пространственной и временной «бесконечности вглубь», то есть от внутренней бесконечности каждого «конечного» фрагмента бытия.

Второй момент ильенковского понимания бесконечности Вселенной связан с основополагающим для «Космологии духа» предположением о «мировом круговороте» (о «вечном круговороте мировой материи»). Я думаю, что именно в этом «моменте» концентрируются основные слабости мировоззренческой позиции, отчетливо представленной в обсуждаемом сочинении. Добавлю также, что этот момент теснейшим образом связан с отмеченной мной в начале статьи гипотезой Э.В. Ильенкова, согласно которой материю (субстанцию, Вселенную) можно рассматривать «в целом».

Как уже сказано, эти два момента ильенковского понимания бесконечности Вселенной находятся в сложных и противоречивых отношениях друг с другом. А именно: в определенном отношении эти два момента согласуются между собой. Но в то же время, как мне представляется, они в некотором отношении противоречат друг другу.

Поясню только что сказанное.

Я уже писал, что обосновывая предположение о «мировом круговороте», Э.В. Ильенков ссылается на соответствующие разработки Б. Спинозы, Г. Гегеля и Ф. Энгельса и подчеркивает, что «круговой характер

бесконечности единственно соответствует диалектическому взгляду». Он полагает, что «альтернативой этому пониманию может быть только представление, включающее в себя идею “начала” и “конца” мирового развития, “первотолчок”, “равное самому себе состояние” и тому подобные вещи» [1, с. 419]. Я думаю, что утверждение «кругового характера бесконечности» – это очень интересная и глубокая философская идея.

Но, во-первых, по моему мнению, в «Космологии духа» дана далеко не самая глубокая интерпретация этой идеи¹. Действительно, «вечный круговорот мировой материи» истолковывается Э.В. Ильенковым как непрерывное повторение циклов мирового процесса. Причем каждый из этих циклов ограничен, с одной стороны, «абсолютно простейшей формой материи и движения» и, с другой стороны, «абсолютно высшей формой материи и движения» (т.е. «мыслящей материей»). Очевидно, что такое истолкование «подпирается» уже знакомыми нам принятыми в «Космологии духа» постулатами о существовании «абсолютно простейшей формы материи и движения» и существовании «абсолютно высшей формы материи и движения».

Очевидно, однако, что с этими постулатами совсем необязательно соглашаться. В частности, с постулатом о существовании «абсолютно простейшей формы материи и движения» не согласятся те авторы (и я среди них), которые признают наличие у универсума такого модуса бесконечности, как «бесконечность вглубь». Действительно, для таких авторов «абсолютно простейшей формы материи» нет, и быть не может.

Да и постулат о существовании «абсолютно высшей формы материи и движения» тоже не трудно оспорить. Ильенковское обоснование этого постулата с помощью тезиса о принципиальной познаваемости мира невозможно считать убедительным. Дело в том, что этот тезис сам нуждается в обосновании. И если внимательно к нему присмотреться, то станет ясно, что принятие этого гносеологического тезиса само основывается на вполне определенных онтологических предположениях. Причем центральное место в этих онтологических представлениях, несомненно, занимает предположение о своего

¹ Более глубокое, на мой взгляд, истолкование этой идеи может быть дано только на основе принципа инфинитизма. Об этом принципе см. ниже, а также в ранее указанных моих книгах.

рода простоте и конечности мира. Ибо только такой – «простой и конечный» – мир может быть признан познаваемым «в целом». Поистине бесконечный, неисчерпаемый мир, очевидно, не может быть познан человеком. И, кстати, это высказывание отнюдь не равносильно агностицизму, которого так опасался автор «Космологии духа». Это высказывание ведь не утверждает наличие непреодолимых границ между тем, что человек может познать, и тем, что человек в принципе познать не может. Это высказывание утверждает лишь то, что в бесконечном, неисчерпаемом мире на любой стадии развития человеческого познания непознанная человечеством часть мира останется бесконечной, неисчерпаемой.

Во-вторых, как мне представляется, ильенковскую интерпретацию «кругового характера бесконечности» невозможно согласовать с его же признанием пространственной и временной бесконечности Вселенной «вширь». Эта невозможность и означает наличие упомянутого выше противоречия между первым и вторым моментами ильенковского понимания бесконечности Вселенной. Я имею в виду в данном случае то, что во Вселенной, бесконечной «вширь», в принципе не может осуществляться «круговорот мировой материи» в ильенковском смысле этого выражения. Дело в том, что даже такой Вселенной, которой свойствен только один модус бесконечности («бесконечность вширь»), не может быть свойственна единая и глобальная, то есть охватывающая всю такую Вселенную, процессуальность. Все процессы в такой Вселенной неизбежно имеют более или менее локальный характер. Любое признание «единого закономерного мирового процесса», в частности признание «вечного круговорота мировой материи», утверждение закономерного характера мировой процессуальности неизбежно ведет к признанию наличия у бесконечного мира каких-то глобальных характеристик. Такое признание независимо от желания авторов, делающих такое признание, неявно «оконечивает» мир. По сути, авторы, утверждающие «вечный круговорот материи», неосознанно принимают гегелевское положение о пронизанности всего мира неким единым организующим началом. В качестве такого единого, организующего весь бесконечный мир начала у сторонников диалектического материализма выступают «всеобщие законы» развития (основные законы диалектики).

И наконец, в-третьих, по всей видимости, возможны и иные, помимо указанных Э.В. Ильенковым, альтернативы гипотезе о «мировом круговороте». Одна из таких альтернатив представлена в онтологической модели, построенной в моих работах. Именно эта модель образует онтологический базис мировоззрения, названного мною трагическим гуманизмом. Как уже отмечалось, в основе этого мировоззрения лежит принцип инфинитизма. Принцип инфинитизма утверждает многообразную количественную и качественную бесконечность, неисчерпаемость универсума.

Принятие принципа инфинитизма требует от исследователя своего рода «гносеологической скромности». А именно: принятие указанного принципа требует признания того, что любая форма мировоззрения, любое онтологическое построение охватывает (описывает, объясняет) лишь конечную часть универсума. Всё остальное – «бесконечная часть» неисчерпаемого универсума – остается за пределами любого описания и объяснения. Другими словами, в рамках инфинитистского подхода невозможна «позитивная глобальность». В его рамках невозможно построение глобального описания и объяснения универсума, поскольку такое описание и объяснение неизбежно будет основано на неправомерной экстраполяции свойств известной нам и всегда конечной части универсума на его неизвестную нам и всегда бесконечную часть. Инфинитистский подход допускает только, так сказать, «негативную глобальность». Иначе говоря, трансцендентная, непознанная часть неисчерпаемого универсума может быть охарактеризована в рамках такого подхода только негативно. Эта часть неисчерпаемого универсума характеризуется здесь как неизвестная, непознанная и т.п. Еще раз подчеркну, что экстраполяция характеристик познанной (и всегда конечной) части универсума на непознанную (и всегда бесконечную) его часть здесь недопустимо. Разумеется, при этом не отрицается возможность дальнейшего расширения той части универсума, которая в той или иной мере познана человечеством. Однако это расширение, в сущности, ничего не меняет: в неисчерпаемом универсуме сфера познанного человечеством остается всегда конечной, а сфера неизвестного, не познанного им – всегда бесконечной.

Из принятия принципа инфинитизма однозначно вытекает также требование «праксеологической скромности». Иначе говоря,

субъект (человек, человечество или другое воплощение «мыслящего духа») может рассчитывать на практическое преобразование только определенной части познанной (всегда конечной) части неисчерпаемого универсума. При этом бесконечная часть универсума останется всегда за пределами преобразовательных возможностей этого (и любого другого) субъекта.

Принятие принципа инфинитизма неизбежно ведет также к онтологическому плюрализму, то есть к утверждению множественности, многообразия, гетерогенности (разнородности) универсума. Неисчерпаемый универсум не является целостностью. Такой универсум просто не может осуществлять какой-либо глобальной, всеохватывающей процессуальности, в частности, он не может осуществлять «мировой круговорот». Добавлю, что такой универсум, тем не менее, не распадается на множество изолированных друг от друга универсумов.

Надо подчеркнуть, что отрицание концепции мирового круговорота совсем не обрекает неисчерпаемый универсум на «дурную» бесконечность переходов от «другого» к «другому». Дело в том, что такой универсум просто не знает «другого». Иначе говоря, понятие «другое» не применимо к многообразно бесконечному универсуму. «Другое» противостоит только какому-либо определенному образованию или состоянию. Неисчерпаемый универсум является, если воспользоваться термином Николая Кузанского, «неиным». Иными словами, такой универсум ничему не противостоит, но всё включает в себя. Принципиально важно также то, что многообразно бесконечный универсум не «знает», не «помнит» своих состояний, а потому не может как-либо к ним возвращаться. Можно сказать также, что понятие состояния не применимо к такому универсуму. Поэтому, конечно, такой универсум, вопреки мнению Э.В. Ильенкова, не может осуществлять вечный закономерный «мировой круговорот», ограниченный высшим и низшим пределами. Впрочем, надо признать, что в гипотезе о «мировом круговороте» все-таки есть истина. Действительно, многообразно бесконечный универсум во всех своих превращениях остается всегда самим собою, он абсолютно самотождествен. Но эта истина должна быть обязательно дополнена и другой, противоположной ей: многообразно бесконечный универсум в своих превращениях никогда не

остается самим собою, он абсолютно несамотождествен. Учитывая эту антиномичность неисчерпаемого универсума, можно сказать, что в определенном смысле он находится в процессе круговорота. Но, разумеется, этот «круговорот» не есть непрестанное повторение переходов от «абсолютно низшей формы материи и движения» к «абсолютно высшей форме материи и движения» и обратно.

Попытаюсь дать еще некоторые пояснения принципа инфинитизма. Прежде всего отмечу, что его не следует понимать излишне упрощенно и односторонне. Таким – «излишне упрощенным и односторонним» – является, например, понимание бесконечности универсума, представленное в «Космологии духа». Напомню, что по Ильенкову, бесконечность универсума означает, прежде всего, его бесконечность в пространстве и во времени. Принцип инфинитизма утверждает не бесконечность универсума в каком-то одном отношении, например, в пространственном и временном отношении, а именно многообразную качественную и количественную его бесконечность. Такую – многообразную качественную и количественную – бесконечность универсума я называю также неисчерпаемостью универсума. Можно сказать также, что принцип инфинитизма (утверждение неисчерпаемости универсума) несовместим с признанием конечности универсума в каком бы то ни было отношении. Отсюда следует, что бесконечность универсума в каком-либо одном отношении, в частности его пространственная и временная бесконечность, понимаемая сугубо в плане бесконечности «вширь», отнюдь не гарантирует его неисчерпаемости. Действительно, бесконечность универсума в каком-то одном отношении, к примеру, его бесконечность в только что указанном смысле, вполне совместима с его конечностью в некотором другом отношении (в некоторых других или даже во многих отношениях). Так, например, можно представить пространственно бесконечный универсум, который в субстратном или в номологическом отношении повсюду однороден. Такой универсум, на мой взгляд, нельзя признать неисчерпаемым. Его неисчерпаемость исключается субстратной или номологической глобальной однородностью универсума. Другими словами, я предполагаю, что любой вид глобальной однородности универсума тождествен неисчерпаемости этого универсума, поскольку признание такой однородности предполагает

возможность экстраполяции на весь бесконечный универсум характеристик, установленных при изучении некоторой конечной его области. Но такая экстраполяция, как уже отмечено, не допускается принципом инфинитизма.

Пояснить особенности неисчерпаемого универсума можно с помощью предположения, согласно которому не существует алгоритма построения такого универсума. Существование такого алгоритма, на мой взгляд, однозначно свидетельствовало бы о конечности универсума в соответствующем отношении. Действительно, существование алгоритма построения универсума предполагает ту или иную форму его однородности. И, таким образом, если такой алгоритм существует, то на весь универсум экстраполируется некоторое свойство, некая закономерность, лежащая в основе этого алгоритма. Но это и есть «оконечивание» универсума в данном отношении. Сказанное позволяет мне предположить, что для описания неисчерпаемого универсума недостаточно использования уже известных в философии и науке типов бесконечности. Речь идет о так называемой «дурной» бесконечности, а также о потенциальной бесконечности и актуальной бесконечности. Дело в том, что все эти типы бесконечности, по всей видимости, предполагают тот или иной алгоритм их построения. Следовательно, все они предполагают некоторую форму однородности систем, описываемых ими. В связи со сказанным любопытно вспомнить характеристику актуальной бесконечности, данную Г. Кантором. Для него актуальная бесконечность является «хорошо упорядоченным множеством» (*wohlgeordnete Menge*). Такому множеству, иначе говоря, свойствен определен алгоритм конструирования каждого ее элемента. Так что понятия актуальной бесконечности, очевидно, недостаточно для характеристики неисчерпаемого универсума. Описание неисчерпаемого универсума требует, на мой взгляд, введения нового типа бесконечности, которую можно назвать абсолютной бесконечностью или «бесконечным во всех отношениях». (Эта гипотеза выдвинута в моих предшествующих работах; см. об этом, в частности, в уже указанных моих книгах [2; 3]).

Таким образом, принятие принципа инфинитизма в качестве основоположения онтологии не позволяет мне согласиться с очень привлекательной и поистине грандиозной гипотезой Э.В. Ильенкова о решающем вкладе «мыслящей материи» в развертывание нового

цикла развития бесконечной Вселенной. С великим сожалением мне приходится констатировать, что в рамках мировоззрения, построенного на основе принципа инфинитизма, познавательные и преобразовательные возможности всегда останутся ограниченными. Соответственно, как бы ни были велики эти возможности, человечество никогда не сможет «разжечь мировой пожар».

Мне остается откликнуться на утверждение автора «Космологии духа», в соответствии с которым отрицание его величественной гипотезы обрекает человечество на роль «пустоцвета», на роль «абсолютно бесплодного цветка, распутившегося где-то на периферии всеобщего развития лишь затем, чтобы тотчас увянуть под ледяным или огненно-раскаленным дуновением урагана бесконечной Вселенной».

Я не думаю, что указанная Э.В. Ильенковым альтернатива: или «вселенская перспектива» или роль «пустоцвета» дает адекватную систему координат для оценки места и роли человечества («мыслящей материи») в неисчерпаемом универсуме. Как уже сказано, к сожалению, неисчерпаемый универсум не оставляет нам надежды на «вселенскую перспективу». Поэтому мы должны искать для себя другую – локальную, временную и, тем не менее, достойную – альтернативу роли «пустоцвета».

Как мне представляется, такая альтернатива намечена в трагическом гуманизме. Трагический гуманизм исходит из аксиологической нейтральности бытия универсума самого по себе. Для трагического гуманизма ценностное измерение бытия универсума «просypается» вместе со становлением человека или его инопланетного аналога. До появления человека (или его аналога) ценностное измерение бытия «дремлет». До появления человека (или его инопланетного аналога) оно пребывает исключительно в потенциальном состоянии. Иначе говоря, бытие до человека содержит только предпосылки ценностного измерения. *Становление человека, таким образом, представляет собой грандиозную онтологическую революцию: рождение нового – ценностно-смыслового – измерения бытия.* Ценности и смыслы не существуют «сами по себе», подобно платоновским идеям. Соответственно, они – не дар и не творение Бога. Только через соответствующую деятельность человека, через особые взаимоотношения людей ценностно-смысловое измерение входит в мир.

С точки зрения трагического гуманизма, назначение человека состоит именно в том, чтобы пробудить, развивать и сохранять ценностное измерение бытия универсума. Разумеется, в рамках онтологии, построенной на основе принципа инфинитизма, это преобразование – возникновение ценностно-смыслового уровня бытия – носит сугубо локальный характер. Но эта локальность не отменяет фундаментального характера данной онтологической трансформации. Так что, с этой точки зрения, наша планета представляет собой уникальное место во Вселенной: именно на ней сформировался и развивается новый – ценностно-смысловой – уровень бытия. Такое понимание не может, с одной стороны, не повышать самооценки человечества. С другой стороны, оно не может не повышать ответственности человечества за сохранение и развитие этого – ценностно-смыслового – измерения бытия. Возможно, конечно, что где-то и когда-то аналогичное «измерение бытия» уже возникало во Вселенной. Возможно, где-то в бескрайних просторах Вселенной существуют и другие творцы и носители этого уровня бытия. Правомерно предположить также, что различные носители этого измерения бытия могут рано или поздно вступить в контакт друг с другом, расширяя и обогащая тем самым ареал ценностно-смыслового мира. Может быть, когда-нибудь в этот процесс совместного расширения и обогащения ареала ценностно-смыслового мира внесет свой вклад и человечество. Я имею в виду возможные встречи и конструктивные коммуникации человечества с другими творцами и носителями ценностно-смыслового измерения бытия, с представителями иных («внеземных») цивилизаций. Такого рода встречи будут, несомненно, грандиозными и вдохновляющими событиями. Однако и в этом случае этот «ареал» ценностно-смыслового мира неизбежно будет носить локальный и временный характер.

Признание антропогенного характера ценностно-смыслового уровня бытия означает, что ему, так же как человеку и обществу, угрожает небытие. Ценности и смыслы, увы, не вечны. Но от этого, на мой взгляд, они не становятся менее ценными. Соответственно, деятельность человека и человечества по их созиданию и сохранению не теряет своего смысла

с признанием локального и временного, преходящего характера этого уровня бытия. Поясню сказанное примерами, демонстрирующими сущностную независимость ценностей от того, что они носят преходящий характер. Так, ценность красоты прекрасного произведения искусства не уменьшается от того, что это произведение рано или поздно разрушится. Аналогично, ценность поступка человека, спасающего жизнь другому человеку, ничуть не понижается от того, что этот – спасенный – человек когда-нибудь умрет. И ценность любви человека к другому человеку не терпит ущерба от того, что когда-нибудь жизнь этих людей закончится. Точно так же ценность достижения научной и философской истин не отрицается тем, что когда-нибудь они будут забыты или утеряны. Скорее наоборот, угроза небытия, хрупкость и смертность человека и творимого им ценностно-смыслового мира повышают их ценность, интенсифицируют у человека переживание их ценности и требуют от человека бережного отношения к ним. Что может быть выше человека и человечества, созидающих ценности и смыслы, несмотря на постоянную угрозу и неотвратимую перспективу небытия? Это созидание, по моему убеждению, следует уподобить не «пустоцвету», а чарующей мелодии во всегда безмолвной пустыне бесконечной Вселенной. Его можно уподобить также вспышке света, разрывающей вечный мрак неисчерпаемого универсума.

Литература

1. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
2. Финогентов, В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел: Картуш, 2012. 333 с.
3. Финогентов, В.Н. Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел: Картуш, 2015. 247 с.

References

1. Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
2. Finogentov, V. N. *Tragic Humanism: Essays on the Ontological, Anthropological and Axiological*. Orel: Kartush, 2012. 333 p.
3. Finogentov, V. N. *The Man on the Brink of Nothingness: Philosophical Etudes*. Orel: Kartush, 2015. 247 p.